

Алексей Михайлович Пономарёв

Институт философии и права

Уральского отделения РАН

г. Ижевск, Россия

E-mail: amp08@mail.ru

ORCID: 0000-0002-9033-6426

ResearcherID: K-2709-2018

SPIN-код: 1292-8907

Эпистемологические характеристики судебного познания в гражданском процессе

Аннотация. В статье анализируется судебное познание в гражданском судопроизводстве в контексте установления истины. Получение объективного, достоверного и истинного знания является условием и предпосылкой принятия судом решения, удовлетворяющего целям и задачам гражданского судопроизводства. Продемонстрировано, что разработка теоретико-правовой модели судопроизводства, в которой снимается противопоставление двух парадигм установления истины – формальной и материальной, – возможна только через описание судебного познания как специфического метода познания социальной реальности. Это требует экспликации его эпистемологических аспектов. В философско-правовом контексте рассматривается место судебного познания в системе правового и процессуального познания, соотношение судебного познания и судебного доказывания. Демонстрируется, что дискуссионные вопросы о соотношении моделей судопроизводства: состязательной и активности суда, – порождены редукцией судебного познания к судебному доказыванию. Обосновывается положение, что и судебное познание, и судебное доказывание могут рассматриваться как единый эпистемологический процесс в силу того, что их ход осуществляется в рамках единого процесса гражданского судопроизводства. В силу этого можно выделять общие для них элементы (этапы осуществления). Но по причине различия в объекте, предмете и задачах субъектов содержательное наполнение этих элементов различно. Обоснован вывод, что в качестве частного случая правового познания судебное познание организуется и направляется процессуальными принципами и нормами, есть процессуальное познание, познавательным материалом которого выступают правовые нормы (формальный, правовой аспект) и фактические обстоятельства правоотношений (содержательный, объектный аспект), а судебное доказывание является механизмом движения судебного познания от вероятност-

ного субъективного знания к знанию объективному и достоверному.

Ключевые слова: правовое познание; процессуальное познание; судебное познание; судебное доказывание; предмет судебного познания; предмет судебного доказывания; судебная истина

Перспективы внедрения в судопроизводство интеллектуальных систем на базе технологий искусственного интеллекта актуализируют исследования в области характера истины, устанавливаемой в гражданском судопроизводстве. Полученные в ходе предыдущих дискуссий по этой проблематике результаты не являются достаточными. Основная причина, по нашему мнению, заключается в том, что исследования выполнялись в рамках теорий, остававшихся в границах классической научной рациональности. Диссертация М.Д. Олега (Олегов 1999), в которой системно проанализированы вопросы установления истины в гражданском судопроизводстве – в рамках парадигмальных моделей состязательности сторон и активности суда с присущими для них принципами, проявлениями интересов и т.п., – а также предлагается синтез обеих моделей, наглядно демонстрирует пределы используемых в отечественном правоведении подходов при проведении исследований по данной проблематике.

Основные причины этого связаны со встроенными в классические теории установления истины в судопроизводстве ограничениями. С нашей точки зрения это, во-первых, опора на концепцию корреспондентской истины, негативная критика которой с философско-правовых позиций развернуто дана в: (Пржиленский 2015). Во-вторых, используемая гносеологическая схема познавательной деятельности¹.

¹ В контексте статьи гносеологическая схема познавательной деятельности понимается как отношение субъекта познания к объекту познания. При этом субъект познания в отечественных теориях правового познания понимается как индивидуальный субъект. Эпистемологическая схема познавательной деятельности понимается как отношение субъекта познания к системе знания. При этом в (пост)неклассических теориях субъект понимается как сложноорганизованный коллектив коммуницирующих на основе признаваемых всеми норм индивидов; основы такового понимания применительно к судебному

Новые перспективы исследования в сфере проблематики установления истины в судопроизводстве открывает разработка теории, исходящая из неклассических методологических позиций. Их философско-правовая экспликация дана в: (Деникина 2008). Теоретико-правовые основания для возможной теории сегодня в отечественном правоведении активно разрабатываются в рамках коммуникативной теории права, предложенной А.В. Поляковым.

Неклассическая исследовательская программа должна сохранить позитивные наработки предшествующих исследований в качестве исходных точек своего развития. Под таким углом зрения классические теории формальной (юридической) и материальной (объективной) истины, устанавливаемой в судопроизводстве, насколько известно автору статьи, не рассматривались. Такого рода анализ является целью статьи.

Исходя из этого в предлагаемом тексте решаются следующие задачи:

- Реконструкция классической модели установления истины в гражданском судопроизводстве;
- Выявление ее элементов, которые могут стать точками формирования и развития новой исследовательской программы;
- Определение методологического направления, в рамках которого перспективно построение одной из возможных неклассических теорий установления истины в гражданском судопроизводстве.

Судебное познание является единственным процессуальным путем решения задач правосудия, им же определяется истинность самого пути (процессуальных средств и способов достижения цели). Установление знания объективного, истинного и достоверного выступает в качестве предпосылки принятия судебного решения по конкретному судебному делу.

В истории правовой мысли сформировались два подхода к решению вопроса о характере истины, устанавливаемой в судебной процессе, тесно связанных с двумя парадигмами организации судебного процесса. Это парадигма чистой

процессу можно найти в: (Корнеев 2006: 235-240). А система знания приобретает характер семиотического объекта. Соответственно, право в качестве объекта анализа приобретает характер дискурса, интегрирующий логические и юридические компоненты.

состязательности, характеризующаяся активностью сторон и формальностью истины, и парадигма активности суда, характеризующаяся пассивностью сторон и материальностью (объективностью) истины. Практические потребности подталкивают на теоретическом уровне к созданию синтеза этих подходов к пониманию характера истины, устанавливаемой в судебном процессе. Одним из вариантов создания непротиворечивой концепции установления истины в гражданском судопроизводстве является подход, при котором судопроизводство рассматривается через призму судебного познания (Олегов 1999).

Судебное познание содержит в себе и юридический, и познавательный аспекты. То есть, это акт познания, осуществляемый в правовой форме. Гражданский же процесс в качестве судебного познания предстает как познание в процессуально-правовом оформлении. Соответственно, дискуссии о парадигмах организации судебного процесса предстают как дискуссии о моделях организации судебного познания в гражданском судопроизводстве.

Решение вопроса об установлении истины через призму судебного познания означает, что две парадигмы организации гражданского судебного процесса могут рассматриваться как две парадигмальные модели организации судебного познания. Но такая формулировка с необходимостью подводит к синтезу обеих позиций в силу того, что единством обладает реальный гражданский процесс. Иными словами, субъект такого познания должен обладать единством, единством должен обладать способ установления действительных обстоятельств дела, так как установление объективного достоверного знания об этих обстоятельствах является предпосылкой вынесения решения судом в соответствии с требованиями ст. 2 Гражданско-процессуального кодекса Российской Федерации.

Эвристичность гражданского судебного процесса лежит в самой его природе. Гражданской процессуальной формой и ее правилами задается алгоритм судебного познания. Но его суть не сводится к познанию предмета процесса. Его смысл в том, что суд, имея в начале и в ходе процесса дело с переменными величинами, обязан прийти от знания предполагаемого к знанию достоверно-истинному, основанному на имеющих юридическое значение фактах; прийти при помощи правовых

средств и способов, которые сами требуют познания и квалификации в ходе познавательной деятельности. Познание предмета конкретного процесса предваряется познанием юридического инструментария судебного познания; дабы в итоге процесса знание стало истинным, важно, чтобы и средства его постижения также были истинными.

Иными словами, судебный процесс с точки зрения познания есть процесс перевода знания из гипотетической модальности в аподиктическую и может анализироваться как прикладной исследовательский метод, структура которого помимо принципов содержит онтологический, гносеологический, категориально-понятийный и логико-семантический компоненты. Именно структурой судебного процесса типологически предзадан результат судебного производства – новый знаемый объект, характеристики которого идеально-типически определены Гражданским и Гражданско-процессуальным кодексами Российской Федерации².

Современная процессуальная мысль понимает судебное познание как познание, форма которого есть синтез в процессуальной деятельности логического и юридического, как синхронную актуализацию теоретического и эмпирического знания, эпистемологического и правового материала. Такой подход подводит к пониманию судебного познания как единства гносеологической и процессуальной деятельности, позволяет выделить особенности судебного познания на каждом этапе развития судебного процесса.

Посредством категорий правового и процессуального познания судебное познание связывается с эпистемологической проблематикой. Правовое познание юристами рассматривается как совокупность когнитивных процессов, процедур и методов приобретения теоретического и эмпирического знаний о явлениях и закономерностях функционирования и разви-

² См.: Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ). Часть первая (введен в действие Федеральным законом от 30 ноября 1994 года № 51-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 02.07.2025); Гражданско-процессуальный кодекс Российской Федерации (ГПК РФ) (введен в действие Федеральным законом от 14 ноября 2002 года № 138-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/ (дата обращения: 02.07.2025)).

тия социально-правовых систем (Гаврицкий 2007). Тем самым фактически утверждается, что правовое познание есть познание, реализуемое специфическими (юридическими, правовыми) средствами, осуществляемое в правовой категориально-понятийной системе. Образно говоря, это взгляд на социальные явления и процессы через оптику (теорию) права. На теоретическом уровне такое видение дает дискурсивно формируемые идеальные конструкторы, которые закрепляются в юридических нормах – специфических идеальных объектах, которые интегрируют в себе аподиктическую (описательно-утвердительную) и деонтическую (императивно-обязывающую) модальность. На эмпирическом уровне происходит «склеивание» этих модальностей – объективная данность юридического сознания, его феномен и реальные социальные отношения воспринимаются их участниками и наблюдателями как правоотношения.

Переход к проблематике судебного познания от проблематики правового познания обеспечивает категория процессуального познания. В этом контексте правовое познание предстает как совокупность когнитивных процессов, направленных на изучение, сбор, обобщение, систематизацию, анализ юридических фактов, их взаимосвязей, а процессуальное познание как познание в рамках конкретного дела. То есть признается наличие в рамках гражданского судопроизводства теоретического и эмпирического познания, которые должны связываться категорией процессуального познания, а также механизма и средств такого связывания.

Но процессуальное познание есть прагматически ориентированное исследование, связанное с процессуальным доказыванием, условия осуществления которого задают особенности процессуального познания (Белкин 2005). Его специфика заключается в ограниченности определенным кругом единичных фактов, составляющих событие, рассматриваемое в судебном процессе, и в установлении истины с целью правильного разрешения конкретного судебного дела, правильного решения стоящих перед судом задач (Трусов 1960). Одновременно с этим «такое познание... рационально и системно, но его системность, как необходимость приводить знания в определенный порядок на основе логической взаимосвязанности понятий, суждений, выражается предметом доказывания» (Боруленков 2006: 75).

Процессуальной доктриной судебное познание рассматривается как система связанных видов познавательной деятельности: познание и доказывание фактических материально-правовых и процессуальных обстоятельств дела, познание спорного правоотношения, прав и обязанностей сторон, а также осуществляемое вышестоящими судами познание при проверке или пересмотре судебных постановлений (Гуреев 1981).

Иными словами, анализируемая теория судебного познания в качестве механизма связывания теоретического и эмпирического уровней судебного познания указывает на доказывание, а соотносимый с объектом судебного познания предмет доказывания оказывается его ключевым средством (элементом). В рамках доказывания как механизма перевода наличного знания из случайного, хаотичного – из модальности гипотетического знания в системно упорядоченное знание – аподиктическую модальность, – ключевую функцию выполняет принцип диспозитивности как средство переноса материальных норм Гражданского кодекса РФ в нормативную систему *ad hoc*, «создаваемую» судом для рассмотрения каждого конкретного дела.

У познания и доказывания в гражданском процессе общий онтологический исток. Они могут различаться в процессуальной деятельности, но не могут осуществляться порознь; они различаются содержательно, будучи связаны процессуально.

Аргументация сторонников этой позиции строится на анализе закрепленных в ГПК РФ полномочий суда в процессе установления действительных обстоятельств дела, реальных прав и обязанностей спорящих сторон – в частности, в ходе доказывания. «...Судебные процессуальные действия в ходе деятельности сторон по доказыванию направлены на получение знаний (познание) действительных обстоятельств дела, их реальных прав и обязанностей». Суд не несет ответственности за результаты дела, но устанавливает и определяет его обстоятельства в качестве имеющих значение для дела, а также сторону для их доказывания. Суд согласно ст. 67 ГПК РФ исследует доказательства, оценивает их по отдельности на достоверность, достаточность, взаимосвязанность (то есть логическую непротиворечивость), принимает или же отклоняет их. На основании этого утверждается, что в качестве участника процесса доказывания суд может быть определен «только как субъект познавательной деятель-

ности» (Болтуев 2015: 156). Судебное познание ориентировано поиском ответов на вопросы, вытекающие из процессуальных задач судебного производства (в частности, ст. 196 ГПК РФ, п. 17 Постановление Пленума ВС РФ от 24.06.2008 № 11³). Поиск таких ответов возложен на суд, но он может получить их только с помощью инициативной и доказательственной деятельности заинтересованных лиц.

Это противоречивое единство ведет к различию предметов судебного познания и судебного доказывания при общности процессуальной цели, объекта. Это противоречие проблематизирует также понятие субъекта познавательной деятельности в гражданском судопроизводстве.

Объектом судебного познания являются материально-правовое отношение, существующее между сторонами судебного спора. Важно отметить: в ходе судебного познания проводится реконструкция спорного правоотношения пост-фактум, что означает «исчезновение» реального социально-правового отношения из видимости суда, замена его семиотическим конструктом *ad hoc*. В силу этого, исследование средств такого конструирования и методики их применения, а также их зафиксированность в процессуальных нормах являются самостоятельной познавательной задачей.

Согласно мнению Ю. Боруленкова, «...истина должна включать в себя не только достоверно установленные обстоятельства дела, но и правильную квалификацию с точки зрения действующего закона» (Боруленков 2006: 80). Судопроизводство по делам гражданского характера осуществляется на базе двух кодексов – Гражданского и Гражданского процессуального. Нормы первого являются основанием для выявления и определения правонарушения. На основании норм второго решается вопрос о нарушении прав конкретных физических и юридических лиц. Положение п. 3 ч. 4 ст. 198 ГПК РФ прямо указывает, что при принятии судебного решения указываются законы и иные нормативные правовые акты, которыми руководствовался суд при его принятии, а также мотивы, по которым суд не применил

³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.06.2008 № 11 «О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству» (ред. от 09.02.2012). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_78038/ (дата обращения: 02.07.2025).

законы и иные нормативные правовые акты, на которые ссылались лица, участвующие в деле. Речь идет как об актуализации судом юридического знания, так и о его оперировании им применительно к конкретному случаю. Результатом этой познавательной деятельности является сформированное судом знание о конкретной социально-правовой ситуации (онтологический аспект), которая описана в юридических терминах конкретной материальной правовой нормы (гносеологический аспект).

Специфика этого знания определяется опосредованностью судебного познания. Подлежащие установлению по делу обстоятельства обычно имеют место в действительности до момента возбуждения гражданского судопроизводства; все знания о них суд получает в результате исследования сведений, содержащихся в четко очерченных источниках таких сведений (ст. 55 ГПК РФ), – то есть в результате исследования юридически признаваемых доказательств по данному делу. В силу этого судебное познание в качестве метода есть алгоритм правовой реконструкции.

В эпистемологическом контексте это означает, что суд должен установить юридические факты, прямо предусмотренные гипотезой материальной нормы, и уже на их основе в ходе судебного разбирательства провести реконструкции реальных отношений. Но реконструкции предшествует акт конструирования, который в области права выполняется законодателем. Если в акте конструирования материальный объект, реальные отношения сохраняются в видимости познающего субъекта, то в акте реконструкции они исчезают, заменяются семиотическими объектами. С эпистемологической стороны, «семиотизация» объекта познания меняет характеристику объективности истины. Она из корреспондентской трансформируется в конвенциональную.

Такого рода трансформация заставляет несколько иначе расставлять акценты участников гражданского процесса в качестве гносеологических агентов. Традиционный подход специалистов в области гражданского процесса признает субъектами судебного познания суд и участвующих в деле лица. Но исключительно суд, в силу возложенной на него как на орган публичной власти функции правосудия, есть обязанный субъект познания. Он обязывается правильно определить значимые для дела обстоятельства. И суд не вправе уклониться от судеб-

ного процесса; посему он необходимо обязан выполнять функции субъекта познания.

В силу наличия материально-правового интереса сторон процесса и «процессуального интереса к его исходу» у ряда других участников процесса они не могут рассматриваться в качестве «обязанных» субъектов познания, то есть субъектов, ориентированных на установление объективной и достоверной истины. Более того, принцип диспозитивности предполагает установку на представление стороной процесса своей позиции в качестве достоверной и ее фиксации как «юридически верной». Наличие агональности интересов сторон закрепляет принцип состязательности, а их асимметричность нивелируется принципом равенства сторон. И показательно, что в отношении суда эти принципы не применимы. В отношении него уместны связанность публичным интересом, пассивность в процессе доказывания. Таким образом, две модели организации гражданского судебного процесса основываются именно на различных ролях его участников (включая и суд) в качестве гносеологических агентов. Именно поэтому появляются две – не более, – характеристики судебной истины. И эти характеристики должны быть сведены к общему знаменателю в силу общей направленности гражданского процесса и императивности решения, принятого судом.

Обсуждение проблематики характера истины, устанавливаемой в юридико-процессуальной форме, вновь выводит на вопрос об объекте и предмете судебного познания и судебного доказывания (Олегов 1999: 159).

И в судебном познании, и в судебном доказывании речь идет об одних и тех же обстоятельствах, имеющих юридическое значение и составляющих основание для требований и возражений спорящих сторон судебного разбирательства. Но нетождественность процессуального познания и доказывания ведет к существенному различию в их предмете. «Доказывание характеризуется эгоистичным интересом конкретной стороны, которая, исходя из своих возможностей, формирует предмет своего доказывания. Тогда как субъект познания должен получить полноценное, объективное и всестороннее представление о действительных обстоятельствах дела, реальных правах и обязанностях сторон... <...> ...субъектам познания в гражданском процессе,

в особенности суду, приходится устанавливать все обстоятельства, имеющие значение для дела» (Болтуев 2015: 159).

В цитате привлекают внимание три обстоятельства. Во-первых, за различием предметов процессуального познания и доказывания стоит реальный, объективный конфликт не только сторон процесса, но и всех его участников. Во-вторых, и предмет доказывания, и предмет познания формируются субъектами, участвующими в гражданском процессе. В-третьих, механизмы формирования предмета познания и предмета доказывания в гражданском судебном процессе специфичны.

В совокупности эти обстоятельства позволяют выдвинуть два тезиса. 1) За различием двух моделей гражданского процесса – состязательной и активности суда – скрыто различие двух предметов внешне схожих видов деятельности в рамках единого судебного процесса. Наблюдаемая напряженность научных дискуссий в немалой степени связана с теоретическим неразличением предметов этих эпистемологических процессов. 2) Предмет доказывания связывает теоретический и эмпирический уровни процессуального познания через свою соотношенность с предметом судебного познания как единичное (протокольное) высказывание с общим высказыванием, зафиксированным в материальной норме Гражданского кодекса. В этом контексте «верификация по *modus tollens*» протокольных высказываний является идеально-типической моделью движения гражданского судебного процесса.

С учетом вышеизложенного центр исследовательского внимания при обсуждении характера устанавливаемой в судебном процессе истины смещается на механизмы формирования связывания предметов познания и доказывания в гражданском процессе, на тождества и различия этапов этих процессов и их содержания.

В реальном гражданском судебном процессе этапы познания и доказывания происходят параллельно и в некоторых случаях даже могут совпадать в совершаемых процессуальных действиях. Правда, название и содержание этапов познания несколько отличаются от тех же составляющих доказывания, поскольку совершаются разными субъектами гражданского процесса, имеющими неодинаковый правовой статус и неодинаковые цели деятельности (Олегов 1999: 159-160).

Минимально в рамках гражданского судебного процесса принято выделять следующие этапы процессуального познания.

- 1) определение предмета познания и круга относимых доказательств;
- 2) собирание (содействие в собирании) доказательств;
- 3) доказывание;
- 4) исследование доказательств;
- 5) оценка доказательств.

Первый этап познавательного процесса происходит на стадиях возбуждения гражданского дела и подготовки дела к судебному разбирательству. Его содержание – определение предмета познания и круга относимых к делу доказательств. Центральным субъектом на этой стадии является суд, который начинает процесс познания с изучения сущности предъявленного истцом требования. Объектом познания в данном случае будут нормы материального права – правовые основания исковых требований. На основе подлежащих применению в данном конкретном случае норм материального права определяются обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения дела, круг которых может быть заранее определен законодателем.

Но стороны процесса также принимают участие в определении предмета познания и относимых к делу обстоятельств. Истец, предполагая нарушение его прав и/или неисполнение ответчиком своих обязанностей, апеллирует к своему пониманию имеющих значение для дела обстоятельств. Тем самым истец фактически определяет свой предмет доказывания. Ответчик также заявляет о своем понимании его прав и обязанностей, приводит обстоятельства, которые могут быть по разным причинам и мотивам проигнорированы или скрыты истцом. Тем самым он заявляет о своем определении предмета доказывания. С учетом позиций сторон суд, формулируя для юридически правильного разрешения дела перечень обстоятельств дела, определяет предмет доказывания на основе предмета судебного познания. С эпистемологической стороны – это нормативное познание, то есть познание формальное, которое создает условия для получения истинного судебного решения.

На втором этапе основными субъектами познания являются стороны процесса: истец, ответчик и иные участники процесса. Законодатель однозначно признает субъектами доказывания

истца и ответчика и возлагает на них обязанность представления доказательств. Суд не может быть субъектом доказывания по своим функциональным целям и обязанностям в гражданском процессе. Поскольку познание на этом этапе происходит в рамках предмета доказывания, суд, находящийся в рамках предмета судебного познания, не может требовать от сторон доказательств, выходящего за предмет доказывания. Ограничение познавательной деятельности суда предметом судебного познания предопределяется его позицией как точкой ввода публичного интереса с целью снятия конфликта частных интересов сторон. Связь суда с публичным интересом наиболее явно раскрывается в ситуации, когда он в качестве властного органа в строго определенных процессуальных рамках оказывает содействие сторонам в получении доказательств.

На третьем этапе – доказывании – основная познавательная активность также принадлежит сторонам и их представителям. Содержательно этот этап есть предъявление сторонами своих позиций и их подкрепление аргументами. Этап важен, так как исследование доказательств происходит непосредственно, чем обеспечивается самоочевидность (перед очами суда) и достоверность получаемого знания. Это перевод судебного познания как опосредованного познания прошлого в непосредственное (свидетельское), то есть «здесь-и-сейчас» происходящее событие; это реконструкция прошлого в настоящем.

На этом этапе каждая сторона преследует свои интересы, пытаясь убедить суд в своей правоте. В силу подчинения доказывания субъективной цели получаемые судом знания еще не носят объективный характер, являясь вероятностными суждениями. Задача суда – очистить полученные знания от субъективного характера и получить на их основе достоверное знание о действительных обстоятельствах дела, имеющих характер необходимого достоверного знания. Эта задача решается судом на следующем этапе.

На четвертом этапе – исследовании доказательств – активность в познавательной деятельности, согласно п. 3 ст. 67 ГПК РФ, вновь возвращается к суду. Суть этой стадии заключается в восприятии и изучении доказательственной информации судом и лицами, участвующими в деле (Боннер 2000: 73). Изучение определенных свойств источника доказательств по-

средством использования допущенных законом средств доказывания создает впечатление, что этот этап есть часть процесса доказывания. Именно такая позиция преобладает в большинстве научных публикаций. В действительности же исследование доказательств помимо формальной юридико-процессуальной стороны, а именно: приемлемость доказательства с точки зрения закона, – имеет и содержательную сторону – формирование судебного убеждения в правоте доказывающей стороны. То есть познавательная задача этого этапа – формирование достоверности получаемого знания.

Выделение данного этапа важно не только в силу юридических и эпистемологических аспектов. Его самостоятельное выделение вытекает также из заинтересованности стороны, представляющей доказательство, в исходе судебного разбирательства. Именно сторона процесса заинтересована в убеждении суда в своей правоте на основе и с привлечением именно этого доказательства. Эта заинтересованность может быть проинтерпретирована в рамках процесса как заинтересованность стороны в признании доказательства юридически приемлемым, юридически достоверным и юридически значимым.

В силу последнего аспекта нельзя не признать стороны участниками процесса исследования доказательства как этапа познавательной деятельности. Но перед судом, в связи с активностью сторон в исследовании доказательств, с учетом принципа состязательности и агональности их интересов, возникают специфические задачи.

Суд, помимо руководства всем процессом исследования доказательств, в качестве субъекта познавательной деятельности увязывает получаемые доказательства с обстоятельством дела, которое подлежит познанию, и выявляет наличие или отсутствие между ними причинной связи. Также суд как уполномоченное на это публичное лицо констатирует наличие этой причинной связи как юридически значимой и вытекающих из этой связи юридических последствий.

Иными словами, познавательная деятельность на данном этапе вновь разворачивается в рамках предмета судебного познания.

Пятый этап – оценка доказательств – вытекает из предыдущего этапа. Не случайно ГПК РФ не выделяет отдельно

исследование доказательств, регулируя оба этапа ст. 67. Участники познавательной деятельности остаются те же; они объективно вынуждены проводить оценку доказательств всех сторон для своего целедостижения, но их функционал меняется (Лельчицкий 2008: 9). Выделение данного этапа как самостоятельного этапа диктуется процессуально-правовыми моментами: результат оценки доказательств судом находит выражение в соответствующих судебных актах, а в идеальном случае – в решении, на что прямо указывает п. 1 ст. 196 ГПК РФ и приводившееся выше Постановление Пленума ВС РФ.

Другими словами, исходя из положений ст. 67, пп. 3, 4 ч.2 ст. 198 ГПК РФ, на основе принятой аргументации сторон суд конструирует новый объект знания, в котором в правовых понятиях воспроизводятся выявленные системные взаимосвязи между всеми обстоятельствами дела. С эпистемологической позиции на этом этапе проводится сложная познавательная работа, в результате которой подтверждается достоверность каждого из исследованных обстоятельств. Лишь по итогу реконструкции всей совокупности действительных обстоятельств дела возможно утверждение соответствия действительности содержащихся в доказательстве сведений; только соотнесение со всей совокупности обстоятельств позволяет оценить достоверность сведений конкретного доказательства. Но каждое обстоятельство в отдельности есть следствие сведений, содержащихся в отдельном доказательстве. Возникает проблемная познавательная ситуация, которая решается посредством движения по герменевтическому кругу. В свою очередь, получение совокупности обстоятельств дела предъясняет к совокупности доказательств как своей предпосылке ряд требований – логическую непротиворечивость и т.п., – которые в своей целостности дают основания для оценки доказательств судом как субъектом познания.

Проведенный анализ позволяет динамике судебного процесса сделать следующее заключение. Процессуальное познание совершается на двух онтологических уровнях. Имея общий объект – конкретные обстоятельства дела, – познавательная деятельность осуществляется в рамках двух предметов познания. В рамках предмета судебного познания она реализуется на уровне идеально-типических объектов. В этих пределах по-

лучаемое знание приобретает объективный (материальный) характер как соответствующее объекту – норме материально-го права. На этом же уровне обеспечивается его истинность. Так как способом связывания получаемых результатов является логика, истина приобретает формальный характер. В рамках предмета судебного доказывания познавательная деятельность реализуется на уровне эмпирических фактов – фактических обстоятельств дела. Процессуальный характер познания ведет к приобретению ими юридических (то есть формализованных) характеристик, благодаря чему они могут вводиться в судебное познание. Механизмом ввода фактических обстоятельств дела в судебное познание в качестве юридических фактов является их описание по процессуальным нормам в терминах применяемых материальных норм. Благодаря такой познавательной активности приобретаемое в судебном познании получает характеристику достоверности.

Обобщая изложенное в статье, можно сделать вывод, что, хотя проблематика характера истины, устанавливаемой в гражданском судебном процессе, «изъезжена вдоль и поперек», удовлетворительного решения теоретиками права не предложено. Причина заключается в «эмпирично-утилитарном» подходе к обсуждению этой проблематики правоведами. Тем удивительней, что крайне редко ставится вопрос о синтезе двух подходов. Практическое единство и целостность гражданского судебного процесса делают такой синтез действительно необходимым.

Предложенный в рамках процессуальной теории подход, основные положения которой воспроизведены выше, содержит целый ряд «точек напряжения» и противоречий, которые практически не осознаются в комплексе. Причиной такого обстоятельства дел является попытка решать проблемы судебного познания в парадигме теорий «классической научной рациональности». Проведенный анализ позволяет утверждать, что за «утилитарной» проблемой характера судебной истины скрывается целый комплекс научных проблем, связанных с пониманием процессуального кодекса как метода исследования социальных явлений правовыми средствами. Эксплицированные в статье «узлы» проблематики являются лишь частью проблемного поля. Наряду с изучением связи онтологических уровней, логических модальностей и других затронутых в тексте

вопросов, важной частью этого поля являются такие вопросы как механизм переноса объекта – положений материальных норм – в новый сконструированный юридический объект (судебный акт), темпоральные аспекты модальностей процессуального познания и т.п. Глядя на перечень подобных вопросов, становится ясно, что теории на основе «классической научной рациональности» достигли предела своих эвристических возможностей. Поиск ответов на возникающие вопросы должен вестись уже в рамках теорий, формируемых на основе (пост)неклассической научной рациональности. И, как представляется автору статьи, хорошие перспективы для этого поиска дают методологии коммуникативной и/или трансцендентальной прагматики.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Белкин А.Р. 2005. Теория доказывания в уголовном судопроизводстве. Москва : Норма. 528 с.

Болтуев С.Ш. 2015. Необходимость познавательной деятельности суда в регулировании гражданских правовых споров. // Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. Серия общественных наук. № 3. С. 156–164.

Боннер А.Т. 2000. Установление обстоятельств гражданских дел. Москва : Городец. 328 с.

Боруленков Ю.П. 2006. Теоретические основы процессуального познания. Владимир : Владим. гос. пед. ун-т. 254 с.

Гаврицкий А.В. 2007. Судейское познание: теоретико-правовые аспекты : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. Ростов-на-Дону. 178 с.

Гуреев П.П. 1981. Понятие судебного познания и доказывания в гражданском процессуальном праве // Курс советского гражданского процессуального права: Теоретические основы правосудия по гражданским делам : в 2 т. / отв. ред. А.А. Мельников. Москва : Наука. Т. 1. С. 340–364.

Деникина З.Д. 2008. Неклассическая и постнеклассическая философия права. Москва : Всерос. гос. налог. акад. Минфина России. 242 с.

Корнеев Г.П. 2006. Идеонормативная концепция истины. Философия и правоприменение. Москва : Академ. проект. 352 с.

Лельчицкий К.И. 2008. Проблемы оценки доказательств в гражданском процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.15. Москва. 23 с.

Олегов М.Д. 1999. Истина в гражданском процессе : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. Москва. 184 с.

Прижелинский В.И. 2015. Реальность и истина в конструктивистской парадигме философии права. // Lex Russica (Русский закон). Т. 102, № 5. С. 23–43.

Трусов А.И. 1960. Основы теории судебных доказательств : (краткий очерк). Москва : Госюриздат. 176 с.

Alexey M. Ponomarev

Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Izhevsk, Russia. E-mail: amp08@mail.ru

Epistemological Characteristics of Judicial Cognition in Civil Proceedings

Abstract. The article analyses judicial cognition in legal proceedings in the context of establishing the truth. Obtaining objective, reliable and true knowledge is a condition and prerequisite for the court to make a decision that satisfies the goals and objectives of legal proceedings. It is demonstrated that the development of a theoretical and legal model of legal proceedings, in which the opposition of two paradigms for establishing truth – formal and material – is removed, is possible only through the description of judicial cognition as a specific method of understanding social reality. This necessitates an explication of its epistemological aspects. The place of judicial cognition in the system of legal and procedural knowledge, as well as the relationship between judicial cognition and judicial proof, are considered in philosophical and legal contexts. The reduction of judicial cognition to judicial proof raises controversial issues about the relationship between adversarial and judicial-activist models of legal proceedings. It is argued that both judicial cognition and judicial proof can be considered as a single epistemological process due to being carried out within the framework of a single process of civil proceedings. Based on this assumption, it is possible to identify elements common to them in terms of phases of implementation. However, due to differences in the object, subject matter, and tasks of the subjects, the substantive content of these elements varies. The conclusion is substantiated that, as representing a particular case of legal cognition, judicial cognition is organised and directed by procedural principles and norms, constituting procedural cognition, whose content is comprised of legal norms (the formal, legal aspect) and factual circumstances of legal relations (the substantive, object aspect), while judicial proof serves as the mechanism for moving judicial cognition from probabilistic subjective knowledge to objective and reliable knowledge.

Keywords: legal cognition; procedural cognition; judicial cognition; judicial proof; subject matter of judicial cognition; subject matter of judicial proof; judicial truth